

© 2006 г. П. П. ВЕТРОВ

ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕГО СИНТАКСИСА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА*

В статье на материале ФЕ-идиом китайского языка показывается, как в предложении может мобилизоваться их собственный внутрисинтаксический потенциал, в результате чего части ФЕ “вплетаются” в состав предложения, приравниваясь по своему синтаксическому статусу к самостоятельным членам предложения. Неправомерно утверждать, что синтаксис ФЕ полностью сходен с синтаксисом слов. ФЕ обладает особым свойством – свойством сочетаемости, которое следует понимать не только как валентную способность, но и как то свойство, благодаря которому устойчивые переосмысленные словосочетания способны “перерождаться” в новые синтаксические единицы, семантически связанные друг с другом, но состоящие при этом из нескольких элементов, которые находятся в разных синтаксических позициях.

В современной науке о языке синтаксис фразеологических единиц (далее – ФЕ) на материале индоевропейских языков (русский, английский, немецкий и т.д.) представлен работами А.М. Чепасовой, Е.И. Дибровой, А.В. Жукова, В.Н. Телия, Н.Н. Амосовой, С.Г. Тер-Минасовой, И.И. Чернышевой, Д.О. Добровольского и др. исследователей, где сформулированы основы структурного и коммуникативного подхода к синтаксису устойчивых словосочетаний. При этом нельзя не отметить, что проблемы синтаксиса ФЕ разрабатываются на материале очень незначительного количества языков. В частности, синтаксис фразеологизмов китайского языка не разработан в должной мере даже лингвистами КНР. Занимающиеся вопросами фразеологии китайские исследователи в большинстве случаев уделяют внимание только культурологическим, семантическим и этимологическим аспектам описания ФЕ, что же касается грамматического аспекта, то в лучшем случае дается лишь описание различных фразеобразовательных моделей китайских ФЕ [Вэнь Дуань-чжэн 1981; Сюй Го-цин 1999; Сян Гуан-чжун 1979; Хуан Юэ-чжоу 1980; Чан Цзинь-юй 1995; Чжан Гун-гуй 1991]. Вопросы же грамматики ФЕ китайского языка, а точнее их синтаксического потенциала, фактически не затрагиваются¹. В отечественном языкознании фразеология также в достаточно полной мере изучена только с точки зрения семантики, морфологии и стилистики, в то время как вопросы синтаксиса ФЕ до сих пор по большей части остаются в тени. “Область фразеологии – по преимуществу область семантико-стилистических исследований, так как фразеологическая единица представляет собой сложное семантическое целое весьма многообразной структуры” [Бабкин 1965: 5]. Между тем без обращения к синтаксической структуре и к синтаксическому потенциалу ФЕ невозможно адекватно передать их функциональную специфику как в лексикографии, так и в практике обучения языкам вообще. В этой связи весьма показательно высказывание В.Н. Телия, которая указывает на то, что «синтаксическое поведение идиом еще нуждается в исследовании его с уче-

* Предлагаемая статья является частью выполняемой темы по плану Института языкознания РАН.

¹ В качестве редкого исключения относительно указанной тенденции можно упомянуть монографию [Чжэн Дин-оу 1999], где в приложении № 3 без каких-либо комментариев приведены примеры функционирования некоторых ФЕ, когда их составные компоненты по отдельности (самостоятельно) включаются в строй предложения-высказывания.

том отрицательных данных “лингвистического эксперимента” (в смысле Л.В. Щербы)» [Телия 1988: 56]. Исходя из сказанного, в данной статье мы делаем попытку дать теоретическое осмысление функциональной “реанимации” внутренних синтаксических свойств китайских ФЕ в их взаимосвязи с синтаксисом внешнего порядка. Иными словами, мы ставим перед собой задачу показать, что внутренний и внешний синтаксис ФЕ китайского языка тесно связаны между собой. Но прежде чем перейти к рассмотрению феномена “оживления” генетического синтаксиса включенной в предложение-высказывание ФЕ-идиомы, необходимо сказать несколько слов о том, что именно понимается нами под терминами “внешний” и “внутренний” синтаксис.

Как сформулировано К.Я. Сигалом, «у ФЕ существует два синтаксических измерения: одно (внутреннее) – “превращенная форма”, отображенная в семантической модели ФЕ, ... другое (внешнее) – синтаксическая сочетаемость ФЕ и зоны их иррадиации в коммуникативно-синтаксическом пространстве текста» [Сигал, Ветров 2006]. Иными словами, у ФЕ имеется внутренний и внешний синтаксис.

В свое время на явление внутрисинтаксического “оживления” ФЕ в русском языке одними из первых обратили внимание В.П. Жуков и А.И. Молотков. Так, в частности, А.И. Молотков писал, что, “где бы и как бы ни располагались компоненты фразеологизма среди слов текста, границы фразеологизма очерчиваются только составом его компонентов”, однако “вместе с тем... в границы фразеологизма все же могут иногда попадать слова, которые вступают в определенные отношения и связи не с фразеологизмом в целом, а только с отдельными компонентами его” [Молотков 1977: 67]. Кроме того, А.И. Молотков четко разграничил понятия “границы фразеологизма” и “состав компонентов фразеологизма”, указав, что они не тождественны друг другу, что слова, распространяющие отдельные компоненты ФЕ, “не могут рассматриваться как члены данного предложения, стоящие в одном ряду с подлежащим, сказуемым, дополнением, так как входят в состав предложения о п о с р е д о в а н н о – через фразеологизм” [Молотков 1977: 68], не затрагивая его категориальной сущности. Позднее Н.М. Шанский уточнил тот семантический тип ФЕ русского языка, который допускает распространение своего компонентного состава, это явление характерно для фразеологических единств, это одна из их отличительных особенностей. “Фразеологические единства допускают вставку других слов: *тянуть (служебную) лямку*. Это свойство фразеологических единств обособляет их не только от фразеологических сращений, но и от подавляющего большинства фразеологических сочетаний и выражений” [Шанский 1985: 61].

Сходные явления преобразования внешней синтаксической формы ФЕ отмечались отечественными учеными-фразеологами и на материале других языков. Так, Н.Н. Амосова на материале английского языка детально показала, что «сама по себе воспроизводимость постоянного контекста “в готовом виде” вовсе не обязательно вызывает “омертвление” синтаксических отношений между его компонентами» [Амосова 1963: 162], что “синтаксические показатели внутренней раздельнооформленности (некоторых. – П.В.) фразеологических единиц – это реально проявляющиеся синтаксические отношения между их компонентами” [Амосова 1963: 158]. Еще в начале 1960 годов ею отмечалось, что положение, согласно которому ФЕ выступают в речи в качестве единого и притом неразложимого члена предложения, верно далеко не для всех форм употребления ФЕ. Иначе говоря, любой член предложения может быть выражен посредством ФЕ, но только такой ФЕ, которая, по выражению Н.Н. Амосовой “не подлежит синтаксическому разложению на самостоятельные члены включающего предложения” [Амосова 1963: 162], это ФЕ типа *to set (my, his, the man's, Arthur's) teeth on edge* (дословно ‘вставить в чьи-либо зубы [острое] лезвие’) ‘вызывать ощущение оскомины; раздражать кого-либо, действовать кому-либо на нервы’. Н.Н. Амосова в своем исследовании “неосознанности”, или фиктивности, синтаксической структуры ФЕ, пользуясь методикой “логических вопросов” по отношению к составным компонентам ФЕ-идиом (фразеологических единств), показала, что существует группа таких подвижных ФЕ, в которых не наблюдается реальных признаков “омертвления” синтаксических отношений между их компонентами, напротив, у этих ФЕ имеется ряд показателей их “живости”:

1. синтаксическая обратимость ФЕ (например: *I crossed the Rubicon – the Rubicon was crossed*); 2. самостоятельная синтаксическая связь одного из их членов с переменным компонентом (например: *What a tempest you make in a teapot!*? “Что за бурю ты устроил в стакане воды!” [в оригинале – “в чайнике”]); 3. способность к подстановке слова-заместителя вместо одного из компонентов [Амосова 1963: 163–164].

С.Г. Тер-Минасова, анализируя фразеологические единицы английского языка с точки зрения их включенности в отношения двойной оппозиции “свобода – связанность”, справедливо указывает, что, хотя главной характерной чертой этих особых языковых единиц является их устойчивость, стабильность и “крупноблочность”, тем не менее «было бы неверно рассматривать образования такого рода как некие застывшие, раз и навсегда созданные “окаменелости”» [Тер-Минасова 2004: 66]. И далее автор приходит к следующему важному выводу: “чем больше семантическая неделимость, неразложимость фразеологических единиц, чем крепче их устойчивость, тем чаще они подвергаются разложению, тем больший стилистический эффект имеет это разложение” [Тер-Минасова 2004: 67].

В.М. Мокиенко по этому поводу пишет, что еще Ш. Балли выявил роль плеоназма как противоположности эллипсиса во фразеологии и заметил, что “элементы фразеологического оборота могут быть отделены друг от друга прочими словами предложения, и от этого единство сочетания ничуть не нарушается” [Мокиенко 1980: 103; Балли 1961: 99].

С последним утверждением трудно полностью согласиться: семантическое единство устойчивого сочетания слов, коим является ФЕ, при описанных трансформациях нарушается, и нарушается весьма значительно. Причина этого кроется в том, что при расщеплении состава ФЕ и распространении его отдельных компонентов происходит существенное изменение степени семантической спайки составных компонентов ФЕ, если же выражаться более точно, то наблюдается определенная деформация (но не разрушение!) семантической целостности между составными компонентами расщепленной ФЕ. Данный вывод основывается на данных, полученных нами в ходе экспериментального определения степени структурно-семантической целостности китайских ФЕ разных моделей. Это исследование заключалось в том, что испытуемым предлагалось несколько групп предложений, каждая группа содержала одну и ту же ФЕ-идиому, структура которой в норме допускает ее расщепление, т.е. слитно-раздельное существование, а также распространение составных компонентов переменными членами предложения. В каждой группе с одной и той же ФЕ-идиомой насчитывалось от четырех до семи примеров ее употребления, причем первые предложения каждой группы имели в своем составе ФЕ-идиому, употребленную как одно целое, в последующих же примерах эта ФЕ включалась в предложение не целиком, а своими расчлененными или позиционно инверсированными частями, каждая из которых при этом синтаксически “оживала”, принимая на себя функции того или иного члена предложения. Таким образом, получалось, что как минимум две из синтаксических позиций в предложении были заняты составными компонентами данной ФЕ-идиомы. Перед испытуемыми – носителями китайского языка (в количестве 10 человек) – была поставлена задача: в каждом из предъявленных предложений подчеркнуть содержащуюся в них ФЕ-идиому. Результаты данного эксперимента обнаружили следующую закономерность. Во-первых, пока испытуемый имел дело с теми ФЕ, которые были включены в предложение как одно простое целое, он без труда обнаруживал их и выделял подчеркиванием. Однако как только испытуемый сталкивался с расчлененной формой существования ФЕ или с ее инверсированными друг относительно друга компонентами, или со случаями распространения одного из составных компонентов ФЕ переменными элементами (а часто с двумя факторами одновременно), он (обычно не без размышлений!) в абсолютном большинстве случаев выделял либо только один из “оживших” компонентов ФЕ, который всегда соответствовал части ФЕ, содержащей большее количество слого-морфем (каждая из которых на письме соответствует иероглифическому знаку), либо подчеркивал общей чертой и саму ФЕ и переменные элементы, относящиеся к одному из ее компонентов. Это наиболее типичные

реакции испытуемых, которые как раз и свидетельствуют о том, что нарушение формальной целостности ФЕ влечет за собой также нарушение ее семантической целостности. Восприятие языковым индивидом одной и той же ФЕ-идиомы, подвергшейся в речи различным преобразованиям, сводится к тому, что ФЕ предстает в сознании то как некое гибридное образование, состоящее из компонентов переразложившейся ФЕ и прилегающих к ним переменных элементов, то как фрагмент, в котором сфокусирована наиболее акцентирующая сема от общего значения ФЕ.

Обобщая все вышесказанное, приведем мысль К.Я. Сигала относительно проблемы внешнего и внутреннего синтаксиса во фразеологии любого языка вообще: «Несомненно, ...что фразеология, как бы ни трактовали ее уровневую природу, образует особый сегмент в сфере номинативных ресурсов речевой деятельности и в ходе осуществления речемыслительных процессов выступает как поставщик, с одной стороны, связанных с одним определенным концептом и тем самым семантически цельных знаков номинации, а с другой стороны, синтаксически неэлементарных и воспроизводимых в константном (или минимально варьируемом) лексическом наполнении конструкций, в которых внутренние синтаксические формы в той или иной степени деактуализованы и приобретают поэтому статус “превращенной формы”, а внешние синтаксические формы зависят чаще всего от влияния семантики конкретной фразеологической единицы (далее – ФЕ) на проявление активной / пассивной валентности грамматически главенствующего компонента ФЕ. Иначе говоря, в механизм структурирования речевого высказывания фразеологизм потенциально может включаться и как симплекс, и как комплекс. По-видимому, с этим парадоксом во фразеологии связано представление о неполноте или о незавершенности списка критериев фразеологичности, ибо фразеологический семиозис насыщает языковую систему слишком разными знаковыми единицами, – разными как по степени семантической слитности и по синтаксическому формату, так и, главное, по способности быть проницаемыми “живыми” синтаксическими связями в актах речевой деятельности» [Сигал, Ветров 2006].

Прежде чем перейти к внутрисинтаксической характеристике китайских ФЕ, необходимо особо отметить, что понимается нами под терминами “дополнение” и “обстоятельство” применительно к китайскому языку в отличие от их понимания некоторыми другими исследователями грамматического строя китайского языка.

Так, А.А. Драгунов, рассматривая пример 念了三个月(的)书 *niànle sān gè yuè shū* (няньлэ сань гэ юэ (дэ) шу) ‘учился три месяца’, пишет, что “если глагол в китайском языке имеет при себе дополнения – числительно-предметное и обычное прямое, то первое превращается в своего рода определение ко второму” [Драгунов 1952: 190]. Мы же, со своей стороны, примем за основу более узкое и одновременно традиционное в общетеоретическом плане понимание термина “дополнение”. Дополнением мы будем считать только тот член предложения, который передает значение объекта (воздействия), мысли и чувства субъекта (прямое дополнение), кроме того, дополнение также может означать адресата и орудие действия (косвенное дополнение). Таким образом, в примере А.А. Драгунова, при указанном понимании, какое-либо дополнение вообще отсутствует. В данном примере, являющем собой неполное предложение, можно выделить сказуемое 念了书 *niànle shū* (няньлэ шу) ‘учился’ и обстоятельство длительности действия 三个月 *sān gè yuè* (сань гэ юэ) ‘три месяца’, которое, по метафорическому выражению Н.В. Солнцевой [Солнцева 1985: 183], “инкорпорируется” внутрь указанного сказуемого, выраженного здесь сложным словом-биномом 念书 *niànshū* (няньшу) ‘учиться’ с лагально-именной структурой. Именная морфема в этом слове представляет собой так называемое “пустое дополнение / объект” в силу того, что эта вторая именная морфема подвержена десемантизации. Именная часть 书 *shū* (шу) ‘книга’, оказавшись отделенной от предшествующей глагольной 念 *niàn* (нянь) со значением ‘заучивать [наизусть]’, не становится от этого объектом действия, так как только обе части вместе, а не по отдельности, т.е. глагольная часть 念 *niàn* (нянь) и именная часть 书 *shū* (шу) способны передавать значение ‘учиться’. Иначе говоря, при вклинивании переменного компонента

создается иллюзия того, что оторванные друг от друга морфемы приобретают статус слова, однако значение этих морфем при этом не меняется: первая морфема в сочетании со второй дистанцированной по-прежнему дают аддитивное значение ‘учиться’, но не ‘читать вслух книгу’². В этом состоит специфическая особенность синтаксиса китайского языка, в котором при выражении объектных, атрибутивных и различного рода обстоятельственных отношений часто используется прием вклинивания обстоятельства (длительности или кратности), прямого дополнения, а также определения внутрь сложных слов, которым свойственно слитно-раздельное существование. В первую очередь это относится к сложным словам, построенным по модели “глагол + имя (пустое дополнение)”. Слова с таким функциональным свойством именуются китайскими лингвистами как 离合词 *líhécí* *лихэцзы* (дословно ‘слова, способные к расчленению’). Приведем примеры в порядке перечисленных членов предложения, где в китайском варианте части расщепленного сложного слова указаны жирным выделением, а обстоятельства, определения и дополнения отмечены жирными точками, в русском варианте (в его дословном переводе) части расщепленного сложного слова выделены двойным подчеркиванием, вклиниваемые второстепенные члены даются в угловых скобках:

英子娘流了一宿的泪 *Yīngzi niáng liú-le yī xiǔ de lèi* “Мать Инцзы плакала всю ночь напролет” (дословно: ‘Мать Инцзы лила + <одна ночь> + слезы’) (обстоятельство длительности);

他睡了十个小时觉 *Tā shuì-le shí-gè xiǎoshí jiào* “Он проспал десять часов” (дословно: ‘Он спал + <десять часов> + сон’) (обстоятельство длительности);

早上他喜欢洗冷水澡 *Zǎoshang tā xǐhuàn xǐ lěng shuǐ zǎo* “По утрам он любит принимать холодный душ” (дословно: ‘По утрам он любит мыться / орошать + <холодная вода> + купанье’) (определение);

今天他站最后一班岗 *Jīntiān tā zhàn zuìhòu yībān gǎng* “Сегодня он несет свою последнюю вахту” (дословно: ‘Сегодня он стоит + <последний> + <один – счетное слово> + пост’) (порядковое определение);

你应该辞他的职 *Nǐ yīnggāi cí tāde zhí* “Ты должен его уволить” (дословно: ‘Ты должен ликвидировать <его> должность’) (притяжательное определение);

我希望能见上你一面 *Wǒ xīwàng néng jiànshàng nǐ yī miàn* “Я надеюсь, что мы еще увидимся с тобой” (дословно: ‘Я надеюсь, что смогу увидеть + <тебя> + <один> + лицо’) (дополнение прямое и обстоятельство кратности);

他帮了我很大的忙 *Tā bāng le wǒ hěn dà de máng* “Он очень здорово мне помог” (дословно: ‘Он помог + <мне> + <очень большие> + хлопоты’) (дополнение и определение);

他们下了两盘棋 *Tāmen xià-le liǎng pán qí* “Они сыграли две партии в шашки / шахматы” (дословно: ‘Они сыграли + <две партии> + шашки’) (обстоятельство кратности).

Явления вклинивания второстепенных членов предложения аналогичным образом распространяются и на те ФЕ, которые, как и сложные китайские слова (“лихэцзы”), способны к слитно-раздельному существованию. Так, с одной стороны, может наблюдаться вклинивание ФЕ в состав сложного слова глагольно-именной структуры. Такая вклиниваемая ФЕ выступает в качестве уточняющего (атрибутивного) компонента по отношению к именной морфеме сложного слова, поглощающего эту ФЕ. Приведем

² Употребляясь самостоятельно, простое слово 念 *niàn* (нянь) имеет значение ‘читать вслух’, а слово 书 *shū* (шу) означает ‘книга’.

пример подобного вклинивания ФЕ (в переведенном дословно на русский язык предложении вклиниваемая ФЕ выделена угловыми скобками):

这次招聘咱们就是吃了不识货的亏, 让人家把两个真正的人才给抢走了。Zhè cì zhāopìn zánmen jiùshì chīle bù-shí-huò-de kuī, ràng rénjiā bǎ liǎng-gè zhēnzhèng-de réncái gěi qiǎngzǒule. “На этот раз при подборе работников мы просчитались из-за своей некомпетентности, позволили другим перехватить у нас двух хороших специалистов” (дословно: ‘На этот раз при найме [работников] мы понесли <не разбираемся в товаре> ущерб, ...’).

Употребленная в данном примере ФЕ 不识货 *bùshíhuò* (бу ши хо) означает ‘не отличать истинное от ложного, хорошее от плохого’ (дословно: ‘не разбираться в товаре’)³. В предложении она выполняет функцию определения по отношению к именной части 亏 *kuī* (куй) ‘ущерб, убыток’, которое входит в состав сложного слова 吃亏 *chīkuī* (чуйкуй) ‘(по)нести ущерб’.

С другой стороны, ФЕ с глагольно-именной структурой сама способна к разрыву за счет вклинивания в ее состав переменных элементов, представляющих собой определенный член предложения (определение или различные типы обстоятельства). Указанная способность употребления китайских ФЕ-идиом данной структуры реализуется в речи настолько часто, что можно говорить о ее регулярности, и, следовательно, расщепление ФЕ-идиомы в таком случае далеко не всегда связано с созданием особого стилистического эффекта. Например:

1. 碰钉子 *pèng dīngzi* (пэн динцзы) ‘потерпеть неудачу; получить отказ; подвергнуться критике, порицанию’ (дословно: ‘напороться на гвоздь’);

1'. 这个人 不碰几回钉子 是不会虚心的。Zhè gè rén bù pèng jǐ huí dīngzi shì bù huì xūxīnde. “Пока этого человека не покрикуют раз-другой, он не станет скромнее” (дословно: ‘Этот человек [пока] не наткнется <несколько раз> [на] гвоздь, не станет скромнее’);

2. 泡蘑菇 *pào mógu* (пао могу) ‘намеренно тянуть время’ (дословно: ‘замачивать [супшение] грибы’);

2'. 她今天上午什么也没干, 泡了半天蘑菇。Tā jīntiān shàngwǔ shénme yě méi gàn, pàole bàn-tiān mógu. “Сегодня с утра она вообще ничего не делала, полдня лодыря гоняла” (дословно: ‘...замачивала <полдня> грибы’).

В то же время среди китайских ФЕ-идиом встречаются и такие, структура, или внешняя форма, которых в норме не предполагает каких бы то ни было преобразований (под которыми мы понимаем распространение компонентного состава, его расщепление, изменение исходного порядка следования составных компонентов ФЕ), однако когда это все же происходит (а происходит это всегда осознанно!), то, как пишет Тер-Минасова, такое явление можно назвать преднамеренной деформацией. Под деформацией такого рода подразумевается преднамеренное обыгрывание образов, сознательная перестройка фразеологической единицы, иначе говоря, индивидуально-авторская стилистическая игра. «При такой деформации реализуется “потенциальное” значение компонентов фразеологических единиц, последние выступают самостоятельно, в том значении, которое в скрытом виде присутствовало в них как членах фразеологизма» [Тер-Минасова 2004: 68]. Таким образом, возможно выделить два типа преобразований ФЕ-идиом – во-первых, это регулярные трансформации, предусмотренные или обусловленные языковой нормой; во-вторых, это намеренные деформации индивидуально-авторского харак-

³ Комментарий: Возможно, что данная ФЕ происходит от поговорки (так называемые “сехоуяй” – речения с усекаемой концовкой) 乡下人看古董 – 不识货 *xiāngxià rén kàn gǔdǒng – bùshíhuò* (сянся жэнь кань гудун – бу ши хо) ‘деревенский мужик смотрит на антикварную вещь – не знает, что за товар’.

тера, которые основаны на осознанном отклонении от языковой нормы (таковы приводимые ниже примеры № 6.2, 8, 9). В связи с этим, при описании свойств китайских ФЕ-идиом с позиции внутреннего синтаксиса следует различать, к какому из типов относится то или иное ее преобразование.

Итак, особенности внутреннего синтаксиса китайских ФЕ в первую очередь очень хорошо прослеживаются на материале ФЕ-идиом, построенных по модели “переходный глагол + управляемое имя (объект)”. По-видимому, вовлеченность ФЕ-идиом, основанных на данной синтаксической модели, в процесс оживления внутренней синтаксической среды – универсальная черта в сфере фразеологии языков различной типологии. Это, в частности, согласуется и с наблюдениями Н.Н. Амосовой, указывающей на то, что “в сфере фразеологических единиц (как и в сфере переменных сочетаний слов. – П.В.) преобразование также не столь редкое явление и также имеет ограничения. Оно возможно главным образом в глагольных идиомах и фраземах⁴ с объектным отношением между компонентами” [Амосова 1963: 164]. Кроме указанной модели, “оживление” внутренней синтаксической структуры можно наблюдать среди ФЕ-идиом, построенных по модели “подлежащее (имя существительное) + качественное сказуемое (имя прилагательное)” (примеры № 6.1, 6.2), а также среди отдельных ФЕ-идиом, построенных по модели полного или неполного предложения (примеры № 7, 8, 9), в составе которых всегда присутствуют, как минимум, два составных компонента, выраженных именем существительным / именем собственным и глаголом.

Составные части таких ФЕ в речевом потоке часто допускают вклинивание в свой состав уточняющих переменных (служебных слов, знаменательных слов и словосочетаний), в результате чего основные компоненты ФЕ начинают функционировать как части, дистантные по отношению друг к другу. В таких случаях можно говорить о том, что происходит своеобразное расчленение. При таком употреблении фразеологизма его составные компоненты начинают сближаться со словами в их свободном употреблении. В подобных случаях разрыв компонентов ФЕ часто сопровождается их взаимной линейной перестановкой. Рассмотрим соответствующие примеры.

1. 背黑锅 *bēi hēi-guō* (бэй хэй-го) ‘быть несправедливо обиженным, незаслуженно обвиненным’, ср. русск.: *быть, стать козлом отпущения* (дословно ‘нести на спине (1) закопченный котел (2)’). Ср.: 我背着这个黑锅快二十年了 *Wǒ bēi-zhe zhègè hēi-guō kuài èrshí nián le* ‘Вот уже скоро будет двадцать лет, как меня все еще считают виноватым в этом’ (дословно: ‘Вот уже скоро будет двадцать лет, как я **ношу на спине этот закопченный котел**’).

В данном примере первый из компонентов ФЕ – глагольное сказуемое 背 *bēi* (бэй) ‘нести на спине’ оформляется видовым суффиксом 着 *zhe* (чжэ), который является показателем состояния и здесь передает значение неконтролируемости, заключающейся в том, что субъект состояния предстает как “страдательный”, неагентивный. Второй компонент 黑锅 *hēi-guō* (хэй-го) ‘закопченный котел’ распространяется словом 这个 *zhègè* (чжэ-гэ) ‘этот’.

2. 翘尾巴 *qiào wěiba* (цяо вэйба) ‘зазнаваться, проявлять высокомерие’ (дословно: ‘задирать хвост’), ср. русск.: *задирать нос*. Ср.:

2.1. 他从来不翘尾巴 *Tā cónglái bù qiào-wěiba* “Он никогда не задается” (дословно: ‘Он никогда не **задирает хвост**’).

Этот пример раскрывает нам только внешнесинтаксическую характеристику рассматриваемой ФЕ: сочетание синтагматически предшествующего глагольного компонента 翘 *qiào* (цяо) ‘задирать’ с постпозитивным именным 尾巴 *wěiba* (вэйба) ‘хвост’

⁴ Фраземами Н.Н. Амосова называет единицы “постоянного контекста, в котором значение семантически реализуемого слова является фразеологически связанным” [Амосова 1963: 59], т. е. фактически речь идет о фразеологических сочетаниях типа *dog's life* “тяжелая жизнь” или *to knit (one's) brows* “насушить брови”.

обладает единой функциональной нагрузкой, в предложении данная ФЕ занимает синтаксическую позицию глагольного сказуемого. Однако при условии инверсированного порядка слов-компонентов этой ФЕ их внутрисинтаксические отношения выходят за рамки границ ФЕ и включаются в синтаксический строй всего предложения, например:

2.2. 他尾巴翘到天上去了 *Tā wěiba qiào dào tiānshàng qù le* “Он слишком зазнался” (дословно: ‘Он **хвост задрал в небо / до неба**’).

В этом примере глагольный компонент 翘 *qiào* (цяо) ‘задрал’ оформляется постпозитивным “аффиксальным” предлогом 到 *dào* (который в китаистике традиционно называется направительной морфемой), данный предлог-аффикс вводит направление действия – ‘в небо’ (到天上 *dào tiānshàng*). Исходя из синтаксических особенностей рассматриваемой ФЕ, компонент ‘задрал’ вместе с распространяющей его частью ‘в небо’ следует определить как обстоятельство местоназначения, вместе с тем, с точки зрения семантики, примыкающий к глаголу распространитель ‘в небо’ выполняет функцию обстоятельства степени, – в данном случае степени высокомерия описываемого субъекта.

2.3. 只要听到表扬的话, 他的尾巴就开始翘起来了 *Zhǐyào tīngdào biǎoyángde huà, tāde wěiba jiù kāishǐ qiàoqǐlái-le* “Стоит ему только услышать похвалу в свой адрес, как он сразу же начинает зазнаваться” (дословно: ‘Стоит ему только услышать похвалу в свой адрес, как **его хвост сразу же начинает (при)подниматься**’).

Данный пример интересен тем, что компоненты ФЕ, в словарно закреплённом представлении единицы примыкающие друг к другу (ср. с 2.1), выполняют одну функцию – функцию глагольного сказуемого, однако, будучи инверсированными друг относительно друга, они функционально размежевываются: компонент 尾巴 *wěiba* (вэйба) ‘хвост’ распространённый притяжательным местоимением 他的 *tāde* (тадэ) ‘его’, занимает позицию подлежащего, а второй компонент 翘 *qiào* (цяо) ‘задирать’, оформленный формообразующим аффиксом 起来 *qǐlái* (цилай) со значением начала и продолжения действия, образует вместе с распространяющим его фазисным глаголом 开始 *kāishǐ* (кайши) ‘начинать’ составное глагольное сказуемое *kāishǐ qiàoqǐlái-le* ‘начинает (при)подниматься’.

3. 开后门 *kāi hòu-mén* (кай хоу-мэнь) 1. ‘по блату’; 2. ‘делать кому-либо что-либо по блату, используя свое привилегированное положение’ (дословно ‘открывать (1) заднюю дверь (2)’ [в смысле ‘дверь с черного хода’]). Ср.: 这个后门我不能给你开 *Zhègè hòu-mén wǒ bù néng gěi nǐ kāi* “Этого по блату я не могу для тебя сделать” [имеется в виду моральная установка говорящего, а не отсутствие возможности оказать по блату услугу кому-либо] (дословно: ‘Эту заднюю дверь я не могу тебе открыть’).

Приведённый пример демонстрирует то, как изначально употребляющаяся в одной синтаксической позиции ФЕ способна к функциональному расчленению, т. е. ее слова-компоненты фактически преобразуются в разные члены предложения вместе с переменными компонентами, их распространяющими (как в примере 2.3): инверсированное прямое дополнение (这个后门 *zhègè hòu-mén* ‘эту дверь’) и сказуемое (不能开 *bù néng kāi* ‘не могу открыть’). Составное сказуемое в данном предложении выражено сочетанием модального глагола 能 *néng* (нэн) ‘могу’ в отрицательной форме и глагольного компонента ФЕ 开 *kāi* (кай) ‘открыть’, это сочетание является предикативным узлом всего высказывания, в котором есть только один абсолютно независимый член предложения – подлежащее 我 *wǒ* (во) ‘я’, а вся остальная часть предложения образована компонентами самой ФЕ и распространяющими членами предложения, примыкающими к ним.

4. 拍马屁 *pāi mǎpì* (пай ма-пи) ‘подхалимничать’ (дословно: ‘похлопывать лошадиный круп’). Ср.: 他拍马屁拍到我头上来了 *Tā pāi mǎ-pì pāi dào wǒ tóushàng lái le* «Он стал “подъезжать” ко мне» или “Он начал мне лстыть” (дословно: ‘Он **похлопывает коня по крупу + хлопнул по мне**’ [по моей голове]).

В этом предложении именной компонент 马屁 *mǎpì* (ма-пи) ‘лошадиный круп’ синтаксически “оживает” за счет повторения глагольного компонента 拍 *pāi* (пай) ‘похлопывать’. Повтор глагольного компонента в предложении обусловлен следующим обстоятельством: поскольку динамическое обстоятельство местоназначения вводится посредством постпозитивного “аффиксального” предлога 到 *dào* (дао), присоединяемого непосредственно к глаголу, то в условиях наличия у переходного глагола-сказуемого прямого дополнения в постпозиции, грамматическая норма требует удвоения отдельно взятого глагола-сказуемого с тем, чтобы к нему можно было беспрепятственно присоединить “аффиксальный” предлог *dào*, вводящий динамическое обстоятельство. Таким образом, внутрисинтаксические отношения ФЕ выходят за ее собственные границы и включаются в связи с остальными членами предложения. Следует заметить, что в китайском языке переходный глагол в основном употребляется с дополнением: даже если значение этого глагола нет необходимости конкретизировать, все равно в качестве дополнения применяется какое-либо слово с общим значением, которое в китаистике называется “пустым дополнением”. В данном примере своеобразным аналогом такого “пустого дополнения” является слово-компонент *mǎpì* (ма-пи) ‘лошадиный круп’.

5. 摊底牌 *tān dǐpái* (тань ди-пай) ‘обнаруживать, раскрывать свои замыслы, планы’ (дословно ‘раскрыть карты’). Ср.: 你敢把你的牌摊出来吗 *Nǐ gǎn bǎ nǐde pái tānchūlái ma?* “Ты что, рискнешь раскрыть все свои карты?” (дословно: ‘Ты осмелишься + предлог *bǎ* + свои карты выложить?’)

Здесь изначально семантически и грамматически слитная ФЕ подвергается синтаксической декомпозиции благодаря инверсированному порядку своих компонентов. Инверсированный порядок слов-компонентов ФЕ в данном случае индуцируется специальным предлогом 把 *bǎ* (ба) (на русский язык не переводится), который предназначен для выноса прямого дополнения в препозицию к сказуемому. Этот предлог используется тогда, когда прямое дополнение обозначает объект, известный собеседникам, причем сказуемое в этом случае, как правило, выражается осложненным глаголом, т.е. глаголом, оформленным каким-либо аффиксом с результиативным или направительным значением.

6. 脸皮厚 *liǎnpí hòu* (лян-пи хоу) (о нахальном, бесцеремонном человеке) (дословно ‘кожа лица (1) толстая (2)'). Ср.:

6.1. 某些同学连留级都不怕, 某些同学连留级都不怕 *Mǒuxiē tóngxué lián liújí dōu bù pà, zhè liǎnpí yě gǒu hòude* “Некоторые учащиеся даже не боятся остаться на второй год, это очень приличное нахальство” (дословно: ‘Некоторые учащиеся даже не боятся на второй год остаться, такая [их] кожа лица довольно толста’).

Вторая часть данного сложного предложения полностью построена за счет ресурсов рассматриваемой ФЕ, части которой расчленяются и вступают в предикативную связь друг с другом, фактически становясь полноценными членами предложения.

6.2. 他脸皮厚得能烙饼 *Tā liǎnpí hòude néng lào bǐng* “Он наглый до крайности” (дословно: ‘Его кожа лица толста так, что [на ней] можно печь лепешки’).

В этом примере задействована ФЕ с внутрисинтаксической моделью “имя существительное (подлежащее) + имя прилагательное (сказуемое)”. В результате того, что второй компонент рассматриваемой ФЕ (слово ‘толстая’) распространяется предложением ‘можно запекать лепешки’ и, следовательно, превращается в сказуемое, главный компонент 脸皮 *liǎnpí* (лян-пи) ‘кожа лица’ в этой связи в синтаксическом отношении “отторгается” от своего генетически зависимого компонента 厚 *hòu* (хоу) ‘толстая’ и превращается в подлежащее, осложненное уточняющим притяжательным определением ‘его’.

7. (用) 八抬大轿抬不动 *(yòng) bā tái dà jiào tái bù dòng* (юн батайдацзяо тайбудун) [обычно говорится о чьих-либо настойчиво предпринимаемых попытках склонить кого-либо к некоему решению – как правило, говорится, когда с кем-либо очень трудно договориться, а также когда какого-либо очень важного и известного человека (специали-

ста) чрезвычайно сложно пригласить куда-то с целью услуги, консультации, сотрудничества и т.п.] ‘несмотря на максимально прилагаемые усилия (уважение или просто настойчивость) быть не в состоянии убедить кого-либо прислушаться к себе, принять приглашение или откликнуться на просьбу’ (дословно ‘паланкин⁵, рассчитанный на восемь носильщиков, не сдвинуть [с места]’). Мы приводим здесь лишь наиболее часто встречаемую форму данной ФЕ, которая, впрочем, далеко не всегда употребляется в форме особого потенциального наклонения (в терминологии А. А. Драгунова).

7.1. 我们(用)八抬大轿都抬不动他, 他好大的架子 Wǒmen (yòng) bā táidàjiào dōu táibudòng tā, tā hǎo dàde jiàzi! “Мы к нему и так и сяк, из кожи вон лезли, но ничего не вышло, у него столько гонора!” (дословно: ‘Мы [в значении ‘нам’] + **на паланкине, рассчитанном на восемь носильщиков** + даже + [было] не **сдвинуть** / не **поднять** с места + его...’).

В данном примере синтаксически “оживают” (актуализируются) все составные компоненты ФЕ: составной компонент 用 yòng (юн) ‘с помощью, посредством’ начинает работать как инструментальный предлог (если он вообще употребляется, так как в разговорной речи его часто опускают), компонент 八抬大轿 bā táidàjiào (батайдацзяо) ‘паланкин, рассчитанный на восемь носильщиков’ превращается в косвенное дополнение, а третий глагольный компонент 抬 tái (тай) ‘поднимать; нести’ вовлекается в формирование особого типа сказуемого, выраженного глагольной формой потенциального наклонения. Кроме того, синтаксическому “оживлению” глагольного компонента tái ‘поднимать’ способствует еще и то, что к сказуемому, построенному на его основе, примыкает объект воздействия 他 tā (та) ‘он / его’, который вступает со сказуемым в присловную зависимость. Аналогичные процессы происходят с рассматриваемой ФЕ и в следующих примерах:

7.2. 我们(用)八抬大轿抬他来, 看他来不来 Wǒmen yòng bā táidàjiào tái tā lái, kàn tā lái bù lái “Мы окажем ему самые высокие почести, [вот тогда и] посмотрим, придет он или нет” (дословно: ‘Мы **на паланкине, рассчитанном на восемь носильщиков, понесем/подыдем** его, посмотрим придет ли он’) [говорящий до конца не уверен в успехе предприятия].

7.3. 我们用八抬大轿一定把他抬来 Wǒmen yòng bā táidàjiào yīdìng bǎ tā táilái “Нам несомненно удастся пригласить его, проявив к нему максимум почтения” (дословно: ‘Мы **на паланкине, рассчитанном на восемь носильщиков, обязательно его принесем/подыдем**’) [говорящий твердо уверен в успехе предприятия].

8. 半路杀出个程咬金 bàn lù shāchūge chéngyǎojīn (бань-лу шачугэ чэн яоцзинь) ‘в делах вдруг произошли кардинальные непредсказуемые изменения’, ср. русск.: откуда ни возьмись; неожиданно-негаданно (дословно ‘на полпути [с боем] вырвался Чэн Яоцзинь⁶’).

Пример: 我当时真弄不清这个程咬金是怎样从半路杀出来扰乱我的整个人生的 Wǒ dāngshí zhēn nòngbuqīng zhège chéngyǎojīn shì zěnyàng cóng bàn-lù shāchūlái nòngluàn wǒde zhěnggè rénshēngde. Перевод: “В то время я и в самом деле не мог понять, каким же об-

⁵ Комментарий: Паланкин – крытые носилки, служащие средством передвижения для представителей знати в Китае и ряде других стран Дальнего Востока вплоть до конца XIX века, могли быть рассчитаны на разное количество носильщиков в зависимости от особенностей конструкции самого паланкина и социального статуса его владельца.

⁶ Комментарий: Чэн Яоцзинь (程咬金) – известный военачальник начала династии Тан, который не обладал особым полководческим талантом, и, тем не менее, в сражениях он нередко одерживал победу над своими противниками, прибегая к военной хитрости и внезапному маневру.

разом эта случайность полностью перевернула всю мою жизнь”⁷ (дословно: ‘В то время я и в самом деле не мог понять + этот **Чэн Яо-цзинь** каким образом + из / от / с [предлог] + **полпути вырвался** навстречу + перевернул всю мою жизнь’) [из рассказа “有一首歌”(“Есть такая песня”), опубликованного на сайте <http://www.blund.net/essay1/info/11446.htm>].

Приведенная в данном примере ФЕ (выделена жирным шрифтом) включается в состав так называемого в китайстике “членного предложения”, выступающего в функции прямого дополнения. Согласно общепринятой в китайской лингвистике концепции синтаксического анализа (которой будем придерживаться и мы⁸), позаимствованной 50 лет назад и разработанной также отечественными китайстами (см., например [Румянцев 1954]), под “членным предложением” понимается такой член предложения, который выражен в свою очередь целым предложением. В китайском языке целым предложением могут быть выражены практически все члены предложения: подлежащее, сказуемое, дополнение, определение и реже обстоятельство, обычно их именуют как “членное подлежащее”, “членное сказуемое” и т. д. Те специфические усложненные предложения-высказывания, в состав которых входят “членные предложения” называются 包孕句 *bāoyùnjù* (*бао юнь цзюй*), в переводе с китайского – “включающее, или объемлющее предложение” (где 1-е слово означает ‘обертывать’, 2-е – ‘беременность; беременный’, 3-е – ‘предложение’). По этой логике само “членное предложение” можно также назвать “включенным предложением” [Солнцев 1995: 313]. Вообще данный тип предложений представляет собой специфическую особенность не только китайского языка, но и некоторых других формоизолирующих языков. Так, по данным В.М. Солнцева, данное явление отмечается, например, во вьетнамском языке и в языке лаха. Особенно сильно членных предложений является то, что они всегда вводятся в предложение без специальных союзов. «Сам эффект существования в изолирующих языках таких “членных предложений” обусловлен тем, что они не нуждаются в союзах для их включения в состав предложения. Они именно и представляют собой как бы развернутые до предложения члены, которые всегда можно заменить на “однословные члены”» [Солнцев 1995: 313]. Действительно, такие развернутые до целого предложения члены с грамматической точки зрения (т.е. только с учетом сохранения исходной структуры предложения, а не его исходной семантики) могут быть заменены каким-либо одним знаменательным словом. “По этой причине их (членные предложения. – П.В.) нет смысла рассматривать как придаточные в отличие, например, от русского языка, где мы говорим о придаточ-

⁷ В рассказе идет речь о выпускнике средней школы, которому очень нравилась биология и, поэтому, когда ему удалось поступить в институт, набрав для этого необходимое количество проходных баллов, он был очень рад, так как ожидал, что сможет и дальше углубленно изучать свой любимый предмет. Однако по недоразумению его распределили учиться совсем на другое отделение, не имевшее ничего общего с биологией, с которой он до этого связывал все свое профессиональное будущее.

⁸ Разумеется, данная концепция не лишена определенных недостатков, но этот вопрос уже выходит за рамки нашего исследования. Так, в данной концепции в ряде случаев смешиваются две различные синтаксические категории: формально-структурная (собственно синтактика) и коммуникативная (прагматическая), что хорошо видно на следующем примере: 他讲课很出色 *Tā jiǎngkè hěn chūsè* “Он читает лекции (преподает) превосходно”. Приведенное предложение с точки зрения тема-рематического членения (т.е. с позиции исходной установки говорящего) допускает два варианта разбора: 1) 他 ‘(цезура) 讲课很出色 “Он (тема) + читает лекции превосходно (рема)”, где также дополнительно подразумевается: “Он силен именно в преподавании, а как в остальных сферах деятельности – неизвестно”; 2) 他讲课 ‘(цезура) 很出色 “Он читает лекции (тема) + превосходно (рема)”, где характеризуется уже не субъект деятельности ‘он’ (как в первом варианте), а сама эта деятельность (преподавание), в которой он великолепно себя проявляет. Данный пример позаимствован нами из [Лю Юэ-хуа 2002: 456], где авторы, показывая, что одно и то же предложение может быть рассмотрено с двух точек зрения, неизменно пользуются при этом терминами только одного порядка – “подлежащее” и “сказуемое”, хотя фактически речь идет о “теме” и “реме”.

ных дополнительных, придаточных определительных и т.п.” [Солнцев 1995: 313]. Для иллюстрации типичного членного предложения возьмем пример, где оно соответствует прямому дополнению:

他要我第二天再来 *Tā yào wǒ dì-èr tiān zài lái* “Он просит, чтобы я на следующий день снова пришел” (дословно: ‘Он просит + я [на] второй день снова приходить’). Данное предложение можно перестроить в 他要什么 *Tā yào shénme?* “О чем он просит” или “Что он хочет” (дословно: ‘Он просит что’).

Разумеется, если все же провести аналогию с русским языком (насколько это вообще возможно!), исключительно с точки зрения смысловых отношений между частями приведенного предложения-высказывания (пример № 8), то членное дополнение, входящее в него, в этом плане обнаруживает свое сходство с изъяснительным придаточным одночленного сложноподчиненного предложения русского языка.

Говоря о понятии “членного предложения” в рамках рассмотренной выше традиционной концепции синтаксического анализа “включающих”, или, говоря шире, усложненных предложений, следует особо подчеркнуть, что ФЕ-идиому, построенную по модели предложения и включенную в предложение-высказывание на правах отдельного (одного) члена предложения, не следует рассматривать как “членное предложение”, так как, утверждая это, мы придем тем самым к отрицанию того, что идиоматичная фразеологическая единица, употребленная как одно целое, представляет собой сложную языковую единицу, формально эквивалентную слову, что, естественно, не верно. Именно здесь оказывается важным положение о необходимости разграничения внешнего и внутреннего синтаксиса во фразеологии, неоправданное смешение которых способно привести к заведомо ошибочным выводам. Так, например, В.М. Солнцев, говоря о “членном обстоятельстве” в китайском языке, приводит следующий пример, когда обстоятельство в предложении может быть выражено в свою очередь предложением: 他人不知鬼不觉地进去 *Tā rén-bù-zhī-guǐ-bù-jué-de jìnqù* “Он незаметно вошел” (дословно ‘он + ФЕ-идиома [люди не знают, дьявол не чувствует] + атрибут. служ. сл. + вошел’) [Солнцев 1995: 313]. Очевидно, что приведенный В.М. Солнцевым пример является некорректным, так как в синтаксической позиции обстоятельства в этом примере находится не предложение, образованное свободными словами (как в примерах “членных предложений”, данных выше), а ФЕ-идиома, в данном случае представляющая собой неразложимый языковой знак, имеющий в своей основе фразеобразовательную модель, которая лишь по своему генотипу восходит к предложению. И здесь не важно, с каким из языков мы имеем дело, так как теоретическая необходимость различения внешнего и внутреннего синтаксиса ФЕ важна для любого языка в силу того, что, во-первых, ФЕ-идиомы существуют практически во всех языках (это языковая универсалия), а, во-вторых, ФЕ-идиома представляет собой сложный языковой знак. Ведь не утверждают, например, в русистике, что в предложении типа *Зрителей – яблоку негде упасть* (пример Н.Ю. Шведовой, взятый ею из газеты) выражение *яблоку негде упасть* – это предложение (а не фразеологизм!) в роли сказуемого.

Итак, данная ФЕ (в примере № 8) включается в состав “членного предложения” не целиком, занимая одну синтаксическую позицию, а распределяется в нем по частям – всеми тремя своими составными компонентами. Каждый из этих компонентов занимает определенную самостоятельную синтаксическую позицию в рамках “членного дополнения”. Так, последний (третий) в постоянном составе ФЕ компонент 程咬金 *chéngyǎojīn* (чэн яо-цзинь), будучи распространен указательным местоимением 这个 *zhègè* (чжэ гэ) ‘этот’, выдвигается в начало (в экспозицию) членного дополнения и становится его подлежащим, второй составной компонент 杀出来 *shāchūlai* (шачулай) ‘вылетел / вырвался’ превращается здесь в часть составного глагольного сказуемого, а оставшийся компонент 半路 *bàn-lù* (бань-лу) ‘на полпути’ оформляется предлогом 从 *cóng* (цун) со значением ‘из, от’, выполняя функцию обстоятельства исходного места действия и перемещается в интропозицию между подлежащим и сказуемым. В общих чертах формулу этого специфичного предложения, имеющего в составе своего “членного дополне-

ния” синтаксически “ожившую” ФЕ-идиому, можно схематично отобразить так: $\Pi^1 + \text{Обст.}^1$ [темпоральное] + $C^1 + D^1$ (Π^2 + связка + Обст.^2 [образа действия] + Обст.^2 [исходного места действия] + $C^2 - C^2$ [составное глагольное] + D^2 + атриб. служ. сл.).⁹

9. 气炸了肺 *qì zhà le fèi* (*ци чжалэ фэй*) ‘быть сильно разозленным, раздраженным; испытывать крайней степени возмущение’ (дословно ‘воздух разорвал легкие’).

Пример: 然而, 我忍辱负重的结果, 不是使他们忘记这个绰号而是助长了他们的氣勢, 竟然有人找我寻觅香蕉, 我感到莫名其妙, 因为我从不吃香蕉, 然而他们竟然也用惊讶的口吻问我: “猩猩, 怎么会不爱吃香蕉呢?” 这可气炸了我的心、肝、肺。于是, 我马上大叫: “我不是猩猩!” *Rán'ér, wǒ rěn-rǔ-fù-zhòng de jiéguǒ, bùshì shì tāmen wàngjì zhè gè chuòhào ér zhùzhǎng-le tāmen de qìshì, jìngrán yǒu rén zhǎo wǒ xīnmì xiāngjiāo, wǒ gǎndào mò-míng-qí-mào, yīnwei wǒ cóng bù chī xiāngjiāo, rán'ér tāmen jìngrán yě yòng jīngyà de kǒuwě'n wèn wǒ: "Xīngxīng, zěnmē huì bù ài chī xiāngjiāo ne?" Zhè kě qì-zhà-le wǒ-de xīn, gān, fèi. Yúshì, wǒ mǎshàng dà jiào: "Wǒ bù shì xīngxīng!"* Перевод: «Однако то безразличие, с которым я отнеслась к своему прозвищу (горилла. – П.В.), не только не заставило их забыть о нем, но, наоборот, только раззадорило их, ни с того ни с сего некоторые из них стали обращаться ко мне, желая получить банан, я же не знала, что и думать, ведь я вообще не ем бананов, но они вдруг удивленным тоном спрашивали меня: “Горилла, как же так, ты не любишь бананы?” Это уже меня окончательно вывело из себя. И тогда я закричала: “Я не горилла!”» (дословно: ‘Это уже + воздух разорвал + мой / мое [мест. 1-го лица в притяжательной форме (я + атриб. служ. сл.)] + сердце, печень, легкие’.) [газета “Meiri xinbao” (每日新报) от 07.10.2002, статья “Как быть, если тебе дали прозвище?” (被叫绰号怎么办)].

Заключительный пример расщепления и распространения компонентного состава рассматриваемой ФЕ-идиомы представляет собой яркий случай намеренного преобразования ее формы, что продиктовано осознанным намерением говорящего выразить свое эмоциональное отношение (негодование, иронию и т.п.) за счет языковой игры, составляющей в данном случае основу стилистической деформации фразеологизма. «Подобная деформация возможна лишь в тех типах фразеологических единиц, в которых отчетливо осознаются лексико-фразеологические формы слов-компонентов, т.е. в “собственно идиомах»» [Тер-Минасова 2004: 68].

* * *

На материале ФЕ-идиом китайского языка мы стремились показать, как в предложении может мобилизоваться их собственный внутрисинтаксический потенциал, в результате чего части ФЕ, подобно своим структурным генотипам, “вплетаются” в состав предложения, приравнявсь по своему синтаксическому статусу к самостоятельным членам предложения. Поэтому неправомерно утверждение о том, что синтаксис ФЕ полностью сходен с синтаксисом слов. Как явствует из приведенных примеров, ФЕ при определенных условиях способна к функциональному расчленению, когда ее составные компоненты занимают одновременно две или даже три различные синтаксические позиции, что и вызывает парадоксальный эффект “оживления” синтаксиса каждого компонента ФЕ в отдельности при относительном сохранении их общей семантической целостности. Иначе говоря, у ФЕ есть особое свойство, – свойство сочетаемости, которую здесь следует понимать не только как валентностную способность, а как то свойство, благодаря которому устойчивые переосмысленные словосочетания способны “перерождаться” в новые синтаксические единицы, семантически связанные друг с другом, но

⁹ Членное дополнение в данном предложении-высказывании взято в круглые скобки. Члены предложения второго уровня, соответствующие в данной схеме составным компонентам рассматриваемой ФЕ-идиомы, выделены жирным шрифтом. Сокращения традиционные: П – подлежащее, С – сказуемое, Д. – дополнение, Обст. – обстоятельство.

состоящие при этом из нескольких элементов, находящихся в разных синтаксических позициях. Разумеется, что такие метаморфозы характерны не для всех ФЕ-идиом китайского языка (равно как и для ФЕ-идиом любого другого языка вне зависимости от его типологических свойств), а только для тех единиц, структура которых в принципе допускает те или иные грамматические изменения. С этой точки зрения важно замечание Е.И. Дибровой, писавшей в свое время, что “по наличию грамматических видоизменений все ФЕ делятся на обладающие такими видоизменениями и ФЕ фиксированного типа” [Диброва 1979: 117].

Анализ приведенного речевого материала позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, ФЕ-идиомы в типологически различных языках (в частности, в китайском) обладают внутренним и внешним синтаксисом, во-вторых, между этими двумя синтаксическими измерениями ФЕ-идиом имеется четкая взаимосвязь, заключающаяся в том, что ФЕ-идиома необязательно замыкается в границах одной синтаксической позиции, а способна включаться как в целом, так и своими составными частями в синтаксическую комбинаторику предложения-высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амосова 1963 – *Н.Н. Амосова*. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
Бабкин 1965 – *А.М. Бабкин*. Русская фразеология как объект исследования и преподавания // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1965.
Балли 1961 – *Ш. Балли*. Французская стилистика. М., 1961.
Вэнь Дуань-чжэн 1981 – *Вэнь Дуань-чжэн*. Семантика “сехоуэй” // Китайская филология (Чжунго юйвэнь). 1981. № 6, (на кит. яз.).
Диброва 1979 – *Е.И. Диброва*. Вариативность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1979.
Драгунов 1952 – *А.А. Драгунов*. Исследования по грамматике современного китайского языка. Т. 1. Части речи. М.; Л., 1952.
Лю-Юэ-хуа 2002 – *Лю-Юэ-хуа* (ред.). Практическая грамматика китайского языка. Пекин, 2002, (на кит. яз.).
Мокиенко 1980 – *В.М. Мокиенко*. Славянская фразеология. М., 1980.
Молотков 1977 – *А.И. Молотков*. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.
Румянцев 1954 – *М.К. Румянцев*. Предложение-подлежащее в китайском языке. М., 1954.
Сигал, Ветров (в печати) – *К.Я. Сигал, П.П. Ветров*. Синтаксис и фразеология в межуровневом взаимодействии (в печати).
Солнцев 1995 – *В.М. Солнцев*. Введение в теорию изолирующих языков. М., 1995.
Солнцева 1985 – *Н.В. Солнцева*. Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985.
Сюй Го-цин 1999 – *Сюй Го-цин*. Систематизированная теория словарного состава современного китайского языка (глава 5 “Специфическая часть лексики – фразеология”). Пекин, 1999, (на кит. яз.).
Сян Гуан-чжун 1979 – *Сян Гуан-чжун*. “Чэньюй”-речения и их взаимосвязь с окружающим миром, культурными традициями и особенностями языка // Китайская филология (Чжунго юйвэнь). 1979. № 2, (на кит. яз.).
Телия 1988 – *В.Н. Телия*. Структура и состав словарной статьи для идиом в Автоматизированном словаре // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка (Материалы к методической школе-семинару). М., 1988.
Тер-Минасова 2004 – *С.Г. Тер-Минасова*. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М., 2004.
Хуан Юэ-чжоу 1980 – *Хуан Юэ-чжоу*. Абстрактное значение, выражаемое числительными в составе “чэньюй”-речений // Китайская филология (Чжунго юйвэнь). 1980. № 6, (на кит. яз.).
Чан Цзинь-юй 1995 – *Чан Цзинь-юй*. Лексика китайского языка и культура (главы 5, 6, 9, 10). Пекин, 1995, (на кит. яз.).
Чжан Гун-гуй 1991 – *Чжан Гун-гуй*. О [фразеобразовательной] модели “А + *tou* [голова] + С + *nao* [мозг]” // 3-й международный симпозиум по вопросам преподавания китайского языка: Сб. науч. трудов. Под ред. редакционного совета [сб.-ков науч. трудов симпозиума]. Пекин, 1991, (на кит. яз.).
Чжэн Дин-оу 1999 – *Чжэн Дин-оу*. Теория лексической грамматики и разыскания по синтаксису китайского языка. Пекин, 1999, (на кит. яз.).
Шанский 1985 – *Н.М. Шанский*. Фразеология современного русского языка. М., 1985.